

КРУЖОК П.Н. РЫБНИКОВА*

I

В конце сентября месяца (1856 года) разнеслась весть, что профессор Кудрявцев вторично уезжает за границу на довольно продолжительное время. Пошли толки и сожаления. Огорчались особенно те из нас, кому не удалось еще побывать на лекциях его. «Грановского не пришлось услышать, — роптали студенты, — пожалуй, что и лекций Кудрявцева не придется послушать. Возвратится ли он из чужих краев? Говорят, что он недолговечен».

С Кудрявцевым мы были знакомы только по его статьям, которые печатались в «Русском Вестнике» (1856). Мы тогда зачитывались вообще всеми статьями, помешавшимися в этом либеральном журнале, и особенно любили читать статьи «политического отдела», которым заведовал П. Кудрявцев.

Когда Кудрявцев выехал из Москвы, то мы узнали, что ему был устроен прощальный обед на Рождественке, в квартире Н.Ф. Павлова; что на обеде говорились речи; что одна из речей была произнесена студентом историко-филологического факультета Рыбниковым. Речь его почему-то понравилась студентам, которые списывали ее охотно себе на память.

Павел Рыбников, студент, 25 лет от роду, происходил из купеческой семьи и воспитывался в 3-й московской гимназии. Он был довольно стройного сложения и с лица даже благообразен. Рыбникова знали уже многие из студентов. А незнавшие его искали знакомства с ним, стараясь попасть к нему на вечер, где можно было встретиться с литературными знаменитостями

* Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899 («Из московских студенческих воспоминаний Ильи Петровича Деркачева», с. 227—232).

(Аксаковыми, Хомяковым и др.). Кроме того, там же можно было достать хорошие книги для чтения. А жажда к чтению у нас была непреодолимая.

Само собою разумеется, что всякий, попавший в «рыбниковский кружок», знал чуть ли не наизусть речь его, произнесенную им перед обществом ученых людей, провожавших Кудрявцева в чужие края.

Лекции тех профессоров, которых пришлось нам слушать на первом курсе юридического факультета, нас не удовлетворяли.

Жалкая студенческая библиотека, существовавшая при университете, не могла удовлетворить нашей умственной жажды, хотя к январю месяцу 1857 года состояло налицо 3012 сочинений, в 5736 томах, и 20 периодических изданий.

В 1856 году в студенческой библиотеке выписывались следующие журналы и газеты: «Русский Вестник», «Русская Беседа», «Le Nord».

Мы стали искать себе образования и развития вне стен своего университета, на Никольской улице, в лавочках букинистов — Кольчугина и др. Там мы рылись в разном книжном хламе, покупали журналы за старые годы, вырезывали из них статьи Белинского, Чаадаева, Искандера, Салтыкова, Достоевского и других писателей; переплетали все это в отдельные книжечки, которые и истрепывались в студенческих руках. В каждом студенческом кружке была своя маленькая библиотека из таких книжек, которые наиболее удовлетворяли потребностям, накипавшим в юных горячих головах. Статьи в стихах или в прозе, в которых затрагивался крестьянский вопрос, собирались всеми с особым старанием.

Возле студентов, у которых оказывалось наибольшее количество желанных книжек, всегда и группировалась молодежь. Кружок Рыбникова, помещавшийся

на Спиридовонке, был одним из таких, где собиралась молодежь в наибольшем количестве. В огромной комнате в известные дни и часы сходились не только студенты, но появлялись там и гвардейские офицеры из Петера, и сельские священники из глухих деревень, и духоборцы, приезжавшие в Москву из далеких окраин России, чтобы послушать красноречивого и словоохотливого Алексея Степановича Хомякова, постоянного посетителя этих вечеров. Мы, студенты, искающие истины, сидели рядышком вдоль просторной комнаты, а перед нами в рубашке косоворотке, с поджатой под себя ногой, восседал на диване А.С. Хомяков. Вел он оживленный спор почти всегда с одним и тем же достойным противником его по словоизвержению, со студентом Свириденко. Этот студент-медик первого курса был 29 лет. Родом из купцов, довольно тучный, так что студенческий сюртук на нем сидел нескладно. С лица был некрасив, но с языка говорлив.

Спорили Хомяков и Свириденко между собой очень красиво и достаточно горячо. Они, так сказать, играли словами и выражениями, баловались красивыми оборотами своей речи, пересыпая ее иностранными словами, вовсе для нас непонятными.

Они, видимо, старались сделать для нас, новичков, хорошее впечатление. Но мы, воспитанники захолустных гимназий, не искусившиеся еще Гегелем, не понимали их усилий. Хотя многое в речах умных и ученых людей было для нас непонятно, но мы все-таки не покидали собрания и терпеливо засиживались до рассвета. Уходили мы оттуда с отуманными головами от философских словоизвержений, но с чистыми сердцами и с верой, что мы стоим теперь в рядах передовой русской молодежи, готовой израсходовать беззаветным образом свои молодые силы на пользу родины.

Желая все-таки понять то, о чем говорилось в «рыб-

никовском кружке», мы, получая оттуда книги или рукописи, пережевывали неудобоваримые выражения у себя по квартирам. А чтобы лучше обсуждать прочитанное или прослушанное в «рыбниковском клубе», мы положили собираться в Леонтьевском переулке в большой комнате, примыкавшей к моему скромному помещению. Платили за сборную комнату сообща.

Собирались в этом новом кружке как студенты-крымчаки, так и молодые люди из разных мест России. Тут собирались большей частью вновь познакомившиеся между собою в аудиториях Московского университета. Знакомство завязывалось на почве освободительных идей и общей готовности послужить делу народного образования.

Готовясь сделаться народными учителями, мы стали строго следить за собственными поступками, а также и за поступками своих товарищ по университету. Таким образом, вот как зародилось увлечение самобичеванием и изобличением. Отсюда и вытекло стремление к осуществлению рукописного журнала, который и стал выходить позднее под названием «Изобличитель»*.

И. П. Деркачев

* В кружке видную роль играл А. Козлов. Алексей Ник. Веселовский сообщил интересную характеристику его на переломе 60-х годов.

«Некрасивый, желтоволосый, с мочальной бородой (которая, говорят, в старости превратилась в длиннейшую белую бороду патриарха), А.А. Козлов и даром слова как будто не обладал, но от этого умного, убежденного и, главное, уверенного в себе человека несомненно шел ток, которому мало кто мог противостоять, — особенно женщины. Был ли он «анархистом»? Конечно, нет; но преимущественно в области нравственных понятий, семейного, брачного строя, свободы привязанностей и союзов — он обладал базаровской смелостью до Базарова. Его освобождающие, разрушительные теории очаровывали женский слух. Студентом он неудачно женился на какой-то, кажется, прислуге, но когда в поместье усадьбе, где он одно время был учителем, его речей заслушалась молодая девушка, он позвал ее с собой да так и прожил с

II*

Из рапорта московского обер-полицеймейстера генерал-губернатору Закревскому.

10 июня 1858 года

...Из купеческих детей студент Московского университета *Павел Рыбников*, ныне окончивший курс с отличным успехом, с 14 ноября минувшего года четыре месяца нанимал квартиру Арбатской части, 5 квартала, в доме Майковой... В это время постоянно с вечера по вторникам бывали у него разного рода посетители, из которых одни приезжали в экипажах, а другие приходили пешком и просиживали за полночь. Посетители эти преимущественно были учащиеся и получившие образование в университете. Из них известны следующие: занимающиеся в школе межевых топографов преподаванием русского языка *Алексей Козлов* и географией, невенчанный, всю жизнь. В свое время на них указывали в Москве, как на образец счастливого свободного союза, и Козлов со своей подругой, очень неглупой, под стать к нему, был в интеллигентных кругах лицом заметным... Конечно, его новаторство и проповедь обновления и переустройства не ограничивались семейным или женским вопросом. Общесоциалистическая окраска его взглядов несомненна, и тут приходится указать на успех его диалектики не у одних женщин. Увлеченный им богатый землевладелец из купцов, помнится, Хлебников, придумал для его обеспечения дать ему место главного управляющего и хотел идти еще дальше на этом пути, но внезапно умер. Словом, тогдашний Козлов рисуется мне, на большом расстоянии, представителем сильно поднявшейся социально-критической мысли; с ним вместе шли и другие люди (например братья Орфано). Были в Москве и другие кружки, где общественные вопросы изучались превыше всего, — напр. кружок, в котором главным лицом был здравствующий ныне известный статистик *В.И. Покровский*. См. *А.Е. Грузинский. П.Н. Рыбников. Биографический очерк. М., 1909* (здесь библиография темы о «вертепниках»). Из воспоминаний *Д.М. Погодина. «Исторический Вестник», 1892, апрель, с. 39—40.*

* *М. Клевенский. «Вертепники» (Оттиск из журнала «Каторга и ссылка», 1928).*

фии Иван Рассадин, студенты: Власьев, Свириденко, Котляревский и Николай Потехин, занимающийся обучением музыке в домах Андреев и принадлежащие к обществу так называемых славянофилов Константин Аксаков и отставной штаб-ротмистр Хомяков. Всех посетителей, несмотря на квартиру Рыбникова, состоявшую из одной комнаты, иногда бывало до 20 и более; замечательнее же были обладающие более других даром слова Свириденко, Власьев и Козлов, а первенствовал Рыбников. Собрания эти назывались неизвестно почему-то вертепом, а бывавшие там вертепниками, которые называют себя социалистами. Тут будто бы Рыбников читал какие-то свои переводы, читались сочинения в рукописях и, сверх того, сочинения, издаваемые за границею Герценом. Кроме Хомякова и Аксакова, все общество, бывшее у Рыбникова, проникнуто духом атеизма и безнадежности; в этом духе происходили тут иногда суждения и прения преимущественно о настоящем быте государства, потребности восстановления личности каждого подданного империи как человека, недостаточности образования русских и недостатке в порядке государственного управления. Эти собрания прекратились, когда Рыбников стал жить в своем семействе, при матери... Бывали, впрочем, и тут у Рыбникова посетители, а именно: окончивший курс в университете Иван Рассадин, окончивший курс в семинарии Сергей Федоров Добротворский, ученик школы живописи и ваяния Сократ Коэлевиков и студент князь Кугушев, но они приходили к Рыбникову по утрам и не засиживались у него. Сам же Рыбников, проживший доставшийся от отца капитал до 15 или 20 тысяч рублей* и

* [По-видимому, это сообщение совершенно не соответствует действительности: по воспоминаниям сестры Рыбникова, он принужден был давать уроки с младших классов гимназии, — так как пошатнулись дела семьи после смерти отца.]

привыкший к рассеянной жизни, очень мало бывал дома, ходил по трактирам, посещал подле него жившего Хомякова, генерала Тучкова..., полковника Орфанова*, а больше всего Козлова, у которого с 14 по 30 мая ночевал пять раз и с которым в то время перечитывал и поправлял какой-то перевод Козлова о неграх...

Вообще Рыбников и Козлов образа мыслей весьма вольного, при разговорах о политических предметах рассуждают, что в России следует сравнять все сословия, учредить все должности по выборам общества, а не по определению от правительства, изменить по духу времени все законы государства и применить систему держав западных; в обществе студентов они носят название вольных мыслителей, сеющих семена правды и истины, и что они приверженцы идей и мыслей Герцена, которого почитают с подобострастием и называют мучеником за отчизну.

Однажды заметили Рыбникову, Козлову и Власьеву, что их вертеп должен разориться во время каникул в университете; тогда кто-то из них заметил: если они уедут из Москвы, то везде будут сеять свои убеждения и что почва вдали свежее здешней.

Собиравшиеся у Рыбникова лица, кроме немногих, состояния ограниченного и иногда терпят большую нужду в деньгах. Посещающий трактир Барсова вышепоименованный Андреев долго поджидал иногда своих товарищей, чтобы напиться чаю или пообедать на чужой счет, и, не дождавшись их, уходил, не требуя ничего в трактире, а Козлов, получивший часть жалованья вперед, недавно продавал свое зимнее платье. Но чтобы общество Рыбникова пользовалось покровительством Солдатенкова и других богатых раскольников, этого, по собранным до сего времени сведениям, не подтверждается.

* [Не Орфанова, а Орфано. Рыбников, очевидно, ходил к его сыновьям, Александру и Алексею Герасимовичам.]